

Содержание

Предисловие Татьяны Черниговской	
Возделывать свой сад.....	7
Введение	
Исповедь эволюционного оптимиста	9

ЧАСТЬ I Дети — не наше будущее

Глава 1	
Развитие личности — это развитие образов мира.....	17
Глава 2	
Три оси координат: педагогика достоинства, педагогика сотрудничества, культурно-историческая психология.....	27
Глава 3	
Донкихоты против роботов	35
Глава 4	
Антропология будущего и голос детства во времена недоверия.....	43
Глава 5	
Не надо искать луч света в темном царстве — надо учиться самим	53

ЧАСТЬ II Маршруты эволюции

Глава 6	
Эволюция: восхождение к неповторимости личности	65
Глава 7	
Две ставки эволюции: взаимная помощь и конкуренция?	71
Глава 8	
Родословная социальности: вверх по лестнице «жизни сообща».....	83

ЧАСТЬ III

Личность и совместность

Глава 9	
Новые карты психологии	103
Глава 10	
Личность напрокат и возвращение к свободе	121
Глава 11	
Две базовые потребности: жизнь в сообществе и сохранение индивидуальности	131
Глава 12	
Сообщество персональных ритмов	139
Глава 13	
Критика усредненности. От вещей к лицам	145
Глава 14	
Иной как ценность	153
Глава 15	
Профессия будущего: переговорщики	165
Глава 16	
Искусство жить достойно	173

ЧАСТЬ IV

Шок настоящего и становление личности

Глава 17	
Эпоха турбулентности	187
Глава 18	
Ну и куда пошла молодежь?	199
Глава 19	
Облачное детство	209
Глава 20	
Бегство от свободы. «Проект» Козьмы Пруткова и ловушки простых ответов	221
Глава 21	
Персонализация образования и антропология будущего	233

ЧАСТЬ V

Похвала разнообразию

Глава 22

Сад культуры достоинства для сложных свободных людей..... 251

Глава 23

Школа возможностей как ответ на времена перемен 263

Глава 24

Ориентация на личность невозможна без ориентации
на сотрудничество 275

Глава 25

Избыточность как необходимость: эскизы вариативного
образования 283

Глава 26

Дополнительное образование в эпоху перемен..... 297

Глава 27

Поэзия садов..... 305

Глава 28

Дискуссии о воспитании.
Педагогика поддержки и движение к свободоспособности..... 323

Глава 29

Тема сильнее страха. Театр и жизнь, театр и школа 335

Глава 30

Счастье — это когда страна понимает своих учителей..... 347

Глава 31

Улыбка Золушки. Психология в точке бифуркации..... 363

Приложение

Личность: психологическая стратегия воспитания 373

Примечания

..... 393

ПРЕДИСЛОВИЕ ТАТЬЯНЫ ЧЕРНИГОВСКОЙ

Возделывать свой сад...

Когда читаешь или слушаешь Александра Григорьевича Асмолова, то именно слова Вольтера ожидают. Мы учим, врачуем, пишем... Его книги, его мысли в итоге о том, как строить свою жизнь в условиях огромной сложности, противоречий, влияний, необходимости, неизбежностей... Кто мыслит, а на самом деле — кто живет, а не просто переводит энергию, тот хочет строить будущее, понимать, каким бы он хотел его видеть. И это невероятно трудно. Каков вектор нашей человеческой эволюции? «Умные, сильные и унифицированные» — говорит нам технологический прогресс. Но это уже не мы, а другой биологический (?) вид. «Разные» — говорит Асмолов. Это и из естественной истории видно. А в человеческой было всякое, в том числе и хождение по граблям. Мы помним, что история не учит, но жестко наказывает. И мы не хотим наказания нашим детям, которые, как говорится в этой книге, все равно «не наше будущее»... Но отпустить их неподготовленными в неведомый мир мы не можем: нужно дать им как минимум белые камешки, которые прихватил с собой смекалистый Мальчик-с-пальчик, чтобы было куда оглянуться... Свое прошлое знать надо: «Быть может, прежде губ уже родился шепот, и в бездревесности кружились листы», и не только это смог прошептать Мандельштам: «На стекла вечности уже легло мое дыхание, мое тепло»... Ничто не пропадает, можно забыть или убедить себя, что забыл, но нет... Гибель древней бабочки приводит в итоге к неумению грамотно писать, как мы знаем от Брэдбери. «Дон-кихоты против роботов» — говорит Асмолов... Невредно напомнить, что ветряные мельницы оказались весьма эффективными. «Турбулентность» — говорит Асмолов... Но ведь спокойных времен почти и не было, другое дело, что скорости и градусы растут. Мы выиграли

эволюционную битву потому, что научились преадаптироваться, справляясь со средой. Научились и договариваться («Профессия будущего: переговорщики»). Договариваться приходится с очень разными, в том числе в будущем и не только с людьми. Делать вид, что этим можно пренебречь, — значит проиграть. В конце концов, у нас есть зеркальные системы в мозге, которые для того и сформировались, чтобы мы могли посмотреть на мир со ВСЕХ сторон. Нет, статистика нам не поможет, тут другая математика: вспомним безвинно погибшую бабочку... И не будем упрощать реальность, как пишет автор этой книги в других работах.

Одним словом, книга учит нас тому, что понимали М. М. Бахтин («Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний <...> Диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления»), Л. С. Выготский («Перерастание диалога “между разными людьми” в диалог “внутри одного мозга”»), В. С. Библер («Процесс внутреннего диалогизма — столкновение радикально различных логик мышления»), Вяч. Вс. Иванов («Процессы обмена информацией внутри мозга и внутри общества... — разные стороны единого процесса»). Сам механизм семиозиса, говорил Ю. М. Лотман, работает на затруднение контакта, понимания, и идея диалога является ключевой, и диалог всегда происходит на разных языках, с трудностями и надеждой на понимание. *Работает не только механизм унификации, но и механизм разнообразия.*

Думая о будущем и тем самым создавая будущее каждую минуту, хорошо бы не попасться в ловушку «простого мира». Путеводителем к этому будет лежащая перед вами книга Александра Григорьевича Асмолова.

Санкт-Петербург, Рождество, 2025 г.

ВВЕДЕНИЕ

Исповедь эволюционного оптимиста

*Святая наука — расслышать друг друга
Сквозь ветер, на все времена...*

Булат Окуджава

Быть оптимистом заведомо опасно. Пессимистом — куда выигрышнее. Пессимизм воспринимается ближе к реализму. Пессимисту же позволительно ошибаться хотя бы потому, что от его ошибки все испытывают радость и счастливы забыть и уж во всяком случае простить его неверный прогноз.

Да и в общении люди, как ни парадоксально, лучше воспринимают того, кто выступает в роли ворона из знаменитого стихотворения Эдгара По. «Да, скоро будет плохо. Вам сегодня еще как-то ничего себе? Не волнуйтесь, завтра будет хуже, не сомневайтесь. Завтра станет еще чернее». Такие люди по-своему вызывают уважение, ведь они не плодят иллюзий и приучают к «трезвому взгляду» на вещи.

И вы, конечно, можете выглядеть таким мудрым вороном, но вот только люди благодаря вам еще более привыкают смотреть на жизнь как фаталисты. Окружающие склоняются к тому, чтобы ожидать того или иного финала событий, от них не зависящего.

Оптимисту ошибки не прощаются: ведь вы вселяете в людей надежду, которая может не сбыться.

Но только наша надежда — это альфа и омега для конструирования будущего. Лучшего будущего не случится, если никто не будет надеяться на него, а потому и не приложит усилия к его достижению.

Так что люди, способные придавать размышлениям о будущем конструктивность, — оптимисты. Если наш реализм конструктивен, то он оптимистичен.

Уточню еще одну важную для понимания этой книги вещь.

Я не просто оптимист, а (обратите внимание!) *эволюционный оптимист* — и за этим стоит определенная картина мира. Она связана с убеждением, что ничего в нашей действительности нельзя понять вне контекста эволюции. А что такое эволюция? Это движение мира к разнообразию. В этом движении есть падения, регресс, но в целом происходит развитие мира, в котором множится число альтернатив.

Когда я говорю, что я эволюционный оптимист, то тем самым утверждаю, что у нас всегда есть выбор. Ведь отсутствие альтернатив — это и есть абсолютное зло.

В современной эволюционной биологии многие теории поколебали идею приспособления к окружающей среде как единственного направления изменений в живой природе. Мир природы, а тем более человеческий мир через избыточное разнообразие закладывает возможности для самых удивительных проектов развития.

Благодаря избыточности сложных систем мы ухитряемся разглядеть те странные виды активности, которые готовят нас к встрече с неведомым, к искусству справляться с тем, чего никогда не было... и оставаться Человеком.

Именно взгляд эволюционного оптимиста позволяет мне набраться отваги и попытаться ответить на вопросы, которые в рамках рационального разума вызывают недоумение.

Почему *страх потери смысла жизни* оказывается порой сильнее и действеннее *страха смерти*?

Почему мой любимый учитель, психолог Алексей Николаевич Леонтьев называл психологию личности драматической психологией, а символом жизненного пути человека, превыше всего ставящего свободу выбора, считал восхождение на костер?

Почему поступки столь разных и действующих на разных исторических сценах героев — философа Петра Чаадаева, биолога Николая Вавилова, психолога Льва Выготского, физика Андрея Сахарова, поэта Анны Ахматовой — порой воспринимались как донкихотство, безумие или шутовство? И тем не менее для многих из нас их

жизнь является осознаваемым или неосознаваемым мерилом человеческого достоинства.

Поможет ли найти ответы на эти вопросы формула автора: «Преадаптация индивида есть цена за развитие вида»?

И наконец, не является ли ключом к пониманию связи феномена преадаптации с искусством жить достойно проходящая через всю эту книгу мысль Шекспира о том, что человек именно тем и отличается от животного, что ему вечно надобно не только «необходимое», но и «излишнее». Я бы сказал — *избыточное*. А порой — и *несбыточное*.

Веря в несбыточное и будучи эволюционным оптимистом, не могу отказать себе в удовольствии сыграть в угадайку «Кто же он — читатель этой книги?».

Он может быть кем угодно, но в его портрете мне угадываются следующие черты.

Это тот из вас, кто в своей жизни хоть раз с разной интонацией слышал от окружающих: «А тебе что, больше всех надо?»

Это тот неизвестный мне читатель, кто хоть иногда совершал неожиданные для самого себя поступки...

И непременно это тот, кто, как бы ему ни было трудно и даже больно, не перестает верить, что в этом безумном мире всегда есть *те, ради кого надо во что бы то ни стало жить и надеяться..*

Уверен, что каждый из нас рождается под тем или иным созвездием людей. Так и автор этой книги родился под созвездием людей, в диалогах с которыми шло и, надеюсь, продолжает идти становление его собственной личности. Один из них — психолог, классик психологии искусства и культурно-деятельностной психологии Лев Выготский.

Он любил повторять, что понимание мысли собеседника без знания его мотивов — это не полное понимание. Следуя его совету и надеясь увеличить шанс быть услышанным читателями, объясняюсь, откуда же взялась дерзость, а может быть и наглость, дать этой книге — циклу историй о делах жизни и поисках автора — имя «Психология достоинства: Искусство быть человеком».

Мотивов, как всегда, несколько. И ведущий из них мог бы без иронии быть назван тем самым путеводным мотивом, ради которого я десятилетиями пытаюсь воплотить свой замысел, наиболее емко

выраженный в названии одной из моих статей «Непройденный путь: от культуры полезности — к культуре достоинства». Мечта о том, чтобы и человечество, и наша страна, и каждый из нас шли по этому пути, сколь бы наивной она ни казалась, и ныне не оставляет меня.

Другой мотив произрастает уже непосредственно из моей профессии, в которой пребываю (самому нелегко осознавать эту цифру) более 50 лет — из психологии личности. И как бы я ни рефлексировал свою жизненную позицию и призвание — психолог или антрополог, — продолжаю придерживаться понимания преобразующей силы искусства как со-творения человечного в человеке, выстраданного в исследованиях Льва Выготского, Алексея Леонтьева и Александра Лурии.

А они относились к искусству как к совершенно особому потоку человеческих деятельности, благодаря которым мир усваиваемых нами знаний, норм и значений преобразуется в мир неповторимых личностных смыслов, ради воплощения которых живет и действует человек.

Именно оба вышеупомянутых мотива и привели к тому, что стремление к пониманию психологии достоинства как искусства быть человеком стало стержнем этой книги. Что бы я ни делал, не устаю искать ответы на целую вереницу вопросов о природе человеческого достоинства.

Вопросов больше, чем ответов.

А потому покаясь. Если читатель этой книги ждет рецептов и дефиниций, а что же такое достоинство, то, скорее всего, его постигнет разочарование.

Ведь суть дела и заключается в том, что по отношению к «достоинству» — поступкам человека, не теряющего своего лица перед самим собой и другими людьми, — вопрос в стилистике «Что» не по адресу. Достоинство — и об этом пойдет речь в книге — это спектр феноменов из совсем иного пространства, резко отличного от известной всем палаты мер и весов.

Оно не из пространства «Что», а из пространства «Кто». И в этом пространстве бессмысленно, как с присущей ему зоркостью ко всем действиям жизни человеческой замечал Александр Сергеевич Пушкин, пытаться поверять алгеброй гармонию.

Совесть, Честь, Благородство и Достоинство, как и многие другие проявления наших взаимоотношений с другими людьми и с самими

собой, — все они (как, впрочем, и подлость, и хамство) порождаются в особом пространстве личностного выбора дел и поступков человека — в пространстве «Кто», а не в пространстве «Что». И каждый человек принимает решение, избрать ли путь чести и достоинства или же стать (воспользуясь образом Николая Лескова) «добровольцем оподдления».

В пространстве «Кто» человека не мерят, а человеку верят. И в этом же пространстве, поверьте, не спутают благородство — с «Вашим благородием», а честь — с «Вашей честью». И особо замечу, в пространстве «Кто» на вас не посмотрят как на странненького или опасного для общества, если на вопрос «Кто ты?» вы ответите лаконично и емко: «Человек». И не надо будет для обоснования этого утверждения, как некогда было молвлено небезызвестным персонажем романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», никаких доказательств.

Путь от культуры полезности к культуре достоинства не пройден. Но в любые времена, сколь бы мутными и мрачными они ни казались, и в эволюции жизни, и в истории человечества, и на жизненном пути каждого из нас были, есть и будут особые пики — пики преадаптации. Они могут по-разному переживаться поэтами и историками, физиками и лириками. Они могут называться эпохами возрождений и ренессансов, обострениями «шестого чувства», периодами бифуркаций или встреч с «черными лебедями».

Но в подобные времена скачков эволюции срабатывает закон, названный Гёте законом востребованного разнообразия. Действие этого закона проявляется и в том, что даже в самые трагичные периоды эволюции жизни, когда звучат голоса о конце истории, именно поступки Человека, отстаивающего свое достоинство, могут изменить траекторию эволюции сложных систем.

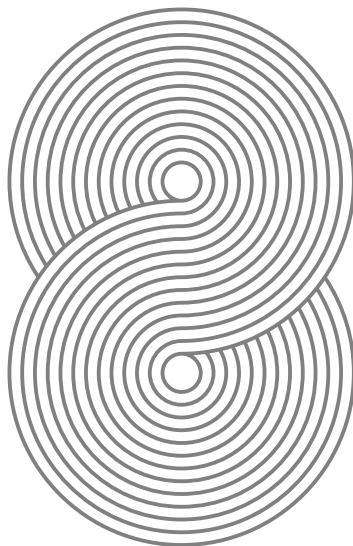
В эпоху Возрождения об образе такого человека писал выдающийся мыслитель, певец чести и достоинства флорентиец Джованни Пико делла Мирандола. Кем бы его ни называли историки: гуманистом, монахом, антропологом или философом — именно ему принадлежат идеи о самостановлении человека, изложенные в трактате «Речь о достоинстве человека». Приведу лишь один фрагмент этого труда.

«Принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю <...> чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие...”».

Поражаюсь тому, когда, где и как это было сказано. Напомню, что Мирандола прожил долгую жизнь. Он неоднократно сиживал в тюрьмах Италии и Франции, обвинялся в несусветных ересях, умер от мышьяка... Но он никогда — услышьте: никогда — не отказывался от убеждений, что именно выбор достоинства делает человека — Человеком. На сем я и завершаю свою исповедь эволюционного оптимиста. А читать книгу «Психология достоинства: Искусство быть человеком» или же нет — это уже собственный, не скованный ограничениями выбор читателя.

ЧАСТЬ I

Дети – не наше будущее

заметки к антропологии детства

ГЛАВА 1

Развитие личности — это развитие образов мира

Есть ли среди читателей те (поднимите мысленно руки), кто в жизни хоть раз слышал вопрос (который я считаю важным тестом): «А тебе что, больше всех надо?»

Как я рад таким читателям, здравствуйте, непредсказуемые вы мои!

Ведь вам каждому больше всех надо. И каждому нужно избыточное, лишнее, а не только необходимое. Ведь еще великий Шекспир писал: «Сведи к необходимостям всю жизнь, / И человек сравняется с животным». Станиславский спрашивал у своих актеров, начинная репетицию: «Чем вы меня удивите?» Пока вы способны удивлять, пока вы способны бросать в мир горсти неожиданностей, мир не перестанет поражать вас своей непостижимостью.

*Да,
Я чудак и фантазер.
И говорю,
Что мир прекрасен.
Прекрасен тем,
Что он не ясен!
Что небо формулой не выразишь,
Что звезды в небе не сочтешь.
И хоть законы соблюдаются,
Ты
Неожиданного ждешь.*

И мы умеем в ответ на любую неопределенность ответить потрясающей непредсказуемостью.

Меня поразил когда-то факт, что в XVIII веке в австрийской армии был учрежден особый военный орден: орден Марии Терезии вручали за победу в бою благодаря личной инициативе даже вопреки приказу.

Мне вспоминаются разные определения человека. В десятом классе я написал, что не согласен с определением Энгельса, согласно которому жизнь — это способ существования белковых тел. Мне сказали: «Какое ты имеешь право критиковать Энгельса?» И тогда я в ответ написал иронические строки:

*Человек — это звучит гордо.
Вариации аминокислот,
позвоночник — наследство хордовых
и генетический код.*

Вот прошел когда-то юрский период, но из этого не следует, что сейчас, в период антропоцена, юрский период перестал в нас существовать. Во время лекций на факультете психологии я говорю своим студентам, что в каждом моем движении веет столько динозавров, что мало не покажется.

Но мы с вами не являемся заложниками ни динозавров, ни нейронов, ни генов, ни прошлого опыта. Мы многократно в самых различных ситуациях переделываем даже саму свою память. Психолог Алексей Николаевич Леонтьев говорил: «Человек — единственное существо на лестнице эволюции, которое может избавиться от груза собственной биографии». (Вспомните, например, как в произведениях Антона Макаренко его воспитанники сжигали одежду, чтобы, образно говоря, преобразовывать собственную личность.)

Мы переделываем свои картины мира, свою память и, занимаясь творчеством, удивляемся сами себе: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

...История жизни каждого из нас — это история отклоненных альтернатив. Это история того, кем мы хотели стать и не стали.

Скажем, в детстве я неистово любил стихи, доставал всех своими стихами, не мог молчать, все время говорил. Когда мне стукнуло аж 11 лет, человек, которого я очень любил и который дал мне очень

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru